РЫЖОВА**Наталья****Петровна**

Доктор экономических наук,
профессор РАН, заведующий
лабораторией

Институт экономических
исследований ДВО РАН,
ул. Тихоокеанская, 153,
Хабаровск, Россия, 680042

RYZHOVA**Natalia****Petrovna**

Doctor of economics, professor
of RAS, head of the laboratory
Economic Research Institute
FEB RAS,
153, Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680042

n.p.ryzhova@gmail.com

© Рыжова Н.П.,
Рыжов В.А., 2021

УДК 330.341

**КЛИМАТ И ЭКСТРАКТИВНАЯ
КОЛОНИЗАЦИЯ: ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
РАЗВИТИЕ В БАССЕЙНЕ РЕКИ АМУР**

Выполнен обзор теоретических концепций и сравнительный анализ результатов эмпирических исследований проблем взаимовлияния процессов экономического развития и типов конструируемых формальных и неформальных институтов. Показано, что для объяснения феномена длительной устойчивости воспроизводства разрыва между теоретически ожидаемыми и наблюдаемыми экономическими и социальными откликами на институциональные новации в бассейне р. Амур целесообразно протестировать гипотезу о блокировании положительной отдачи ресурсов экстрактивными институтами, а также гипотезу о постоянстве воспроизводства экстрактивного характера институтов под влиянием географических особенностей самой региональной системы.

«Географическая» и «институциональная» гипотезы, климат, наделённость природными ресурсами, оседлость, экстрактивные институты и насилие, экономическое развитие, бассейн реки Амур

**CLIMATE AND EXTRACTIVE COLONIZATION:
THE ECONOMIC DEVELOPMENT
OF AMUR RIVER BASIN**

The article provides a review of theoretical concepts and empirical studies of the mutual influence of economic development processes and the types of formal and informal institutions constructed. It reveals that in order to explain the phenomenon of long-term stability of reproduction of the gap between theoretically expected and observed economic and social responses to institutional innovations in the Amur River basin, it is reasonable to test the hypothesis of blocking positive return on resources by extractive institutions, and the hypothesis of constant reproduction of extractive nature of institutions under the influence of geographical features of the regional system itself.

«Geographical» and «institutional» hypotheses, climate (floods), endowment of natural resources (sable), sedentarization (farming culture), extractive institutions and violence, economic development, Amur River basin

**РЫЖОВ
Всеволод
Александрович**

Консультант

Институт экономических
исследований ДВО РАН,
ул. Тихоокеанская, 153,
Хабаровск, Россия, 680042

**RYZHOV
Vsevolod
Aleksandrovich**

Consultant

Economic Research Institute
FEB RAS,
153, Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680042

vs.ryzhov@gmail.com

Введение

Территориально-институциональные образования, расположенные в бассейне р. Амур, на протяжении столетий являются мировой периферией. Территория оставалась фронтиром до середины XIX в. К этому времени отставание от других «новых» экономических пространств было существенным: в США или Канаде шла индустриализация, а на большом пространстве, негативно называемом европейцами «Тартарией», почти не было даже сельского хозяйства и дорог. В XXI в. юг российского Дальнего Востока и север КНР продолжают отставать по основным показателям от своих политико-экономических центров и тем более от мировых экономических лидеров.

Почему отставание этого и других мировых аутсайдеров столь устойчиво? Одно из ключевых объяснений вариаций экономического развития, которое предлагает экономическая наука – это «географический фактор». Действительно, если посмотреть на постоянных аутсайдеров, то среди них преобладают регионы со специфической географией: они удалены от мировых рынков, люди там страдают от тропических болезней, имеется плохой баланс между общераспространёнными и точечными ресурсами. Дискуссия о влиянии географических факторов распадается на две «гипотезы»: согласно первой – география имеет прямое влияние, согласно второй – она влияет косвенно, через институты. Эмпирические свидетельства второй гипотезы более убедительны. Благодаря им, появляется понимание, почему США «выигрывает» у Бразилии и почему африканский континент остаётся самым проблемным.

Однако эти дискуссии никак не отвечают на наш вопрос – что не так с современными территориями юга российского Дальнего Востока и севера КНР? Климат умеренный, малярии нет, многие бактерии убиваются зимними температурами, наделённость распространёнными природными ресурсами приличная. Отвечая на этот вопрос, мы стремимся проследить, как связано экономическое отставание со стилем колонизации, который, в свою очередь, определяется географией.

География имеет значение: дифференция институтов для колоний

О том, что «география имеет значение» экономисты дискутируют достаточно давно. В 1990-е гг., когда большинство бывших колоний, сформированных в XVII–XIX вв., обрели независимость, но остались экономически отсталыми,

дискуссия поменяла направление. Ряд исследователей начали по-новому «обвинять» географию: климат, расстояния, температуры «виновны» в отставании в экономическом развитии не сами по себе, но потому, что они определяют институты, внедряемые в колониальных странах, а уже институты, в свою очередь, влияют на неравномерное развитие [31; 33; 44; 49].

Однако не все приняли эту точку зрения и дискуссанты разделились на два лагеря: последователей «географической» и «институциональной» гипотез. Объективно гипотез было больше: назывались ещё «культурная» и «гипотеза удачи», но именно первые две разрабатываются активнее. Лидером «географического лагеря» считается Дж. Сакс [27; 52]. И хотя тех, кто продолжают настаивать, что география имеет значение «сама по себе» (без институтов) становится меньше, такие работы выходят. Например, А. Мэйзел [42] показал, что плотность населения колумбийских регионов устойчива во времени: те места, которые были более населёнными около 1500 г., остаются такими же и сегодня, и наоборот. Эти результаты, по мнению А. Мэйзела, подтверждают долгосрочное влияние географии на региональное неравенство внутри страны, которое не связано с колониальными институтами.

Альтернативную точку зрения в явном виде сформулировал Д. Родрик [50]. У «институциональной гипотезы» сторонников больше [21; 23; 24; 28; 29; 30; 31; 33; 36; 47]. Например, Д. Филдинг и С. Торрес [33] показали, что стиль колонизации определял долгосрочное качество институтов в бывших колониях. При этом стиль зависел от естественных сравнительных преимуществ: климата, условий среды и болезней, определяемых ею и приводящих к смертности поселенцев. Д. Филдинг и С. Торрес показали, что там, где поселенцы могли комфортно жить, были созданы лучшие институты. С. Энгерман и К. Соколофф [31] продемонстрировали, что географические условия стимулировали специализацию ряда экономик Нового Света на плантационном сельском хозяйстве с использованием рабского труда. Это привело к экономическому неравенству, которое сосредоточило власть в руках небольшой элиты, а это, в свою очередь, негативно сказалось на развитии институтов, необходимых для устойчивого экономического роста. Наоборот, там, где выгодно было развивать животноводство (Австралия или южные штаты США) внедрялись инклюзивные институты, что постепенно и привело к тому, что такие страны, как США, Австралия и Новая Зеландия хорошо развиты, а страны Южной Америки находятся в худшем положении.

В обеих работах основной акцент сделан на институтах, созданных для переселенцев, но представляется, что иметь значение может и то, какие институты создавались для туземного населения. Если колонизация – это крупномасштабное перемещение людей, при котором пришлое население изымает ресурсы и собственность у туземцев, создавая институты, закрепляющие привилегии колонистов, то эти институты могут оказывать влияние на долгосрочное развитие. Несмотря на то что туземное население, видимо, всегда страдает, уровень насилия, степень лишения их прав и наличие у них доступа к ресурсам, различны. Если вернуться к примерам с «хорошими» институтами США или Австралии, то они были созданы за счёт почти полного лишения прав туземного населения, а часто и его тотального уничтожения.

В связи с этим мы полагаем, что интересным является вопрос о влиянии *экстрактивной* и *инклюзивной* стратегий колонизации на долгосрочное развитие. Термин «экстрактивные институты», предложенный Д. Асемоглу и другими [20], означает создание таких правил игры, при которых одна страта общества присваивает материальные блага, изъятые у другой. Д. Асемоглу, его коллеги и последователи пришли к согласию по поводу того, что экстрактивные институты были нормой повсеместно, но в силу различных обстоятельств – часто в силу распространения капиталистических отношений – начали заменяться инклюзивными, то есть такими, при которых всё больше людей допускаются к участию в перераспределении ресурсов.

Соответственно, экстрактивная стратегия колонизации предполагает внедрение таких институциональных правил, которые призваны изымать ресурсы у туземного населения без учёта их потребностей. Напротив, инклюзивная стратегия предполагает развитие политических и экономических институтов, учитывающих интересы туземцев. Примером работы, в которой предпринята попытка численно оценить различия в институтах для туземного населения, является [25], где авторы показали, что текущее экономическое развитие индийских штатов зависит от того, какие права собственности создавали британцы-колонисты, ориентированные на крупных землевладельцев (у которых им было легче изымать свою ренту) или на мелких земледельцев. Оказалось, что в современных штатах с институтами, созданными для узкой группы лиц и в интересах самих колонизаторов, до сих пор ниже не только уровень экономического развития, но и уровень инвестиций в образование и здравоохранение. Однако в работе не рассматривается влияние географических факторов, например различий в качестве земельных ресурсов или удалённости от крупных рынков. Более того, работ, в которых оценивается инклюзивная колонизация по сравнению с экстрактивной, относительно немного и в них чаще рассматриваются политические институты *per se*, нежели экономическое развитие [26; 40].

Цель настоящей статьи – выделить и описать влияние географических факторов на динамику экстрактивной / инклюзивной стратегий колонизации в бассейне р. Амур. Для её достижения мы вначале систематизируем географические и институциональные факторы, опираясь на обзор работ, в которых решались подобные задачи.

Среди географических факторов авторами рассматривались: распространение болезней; качество почв, осадки, температуры; удалённость от крупных рынков; наделённость природными ресурсами. Говоря о высоких среднегодовых температурах тропиков, авторы тестировали *распространённость болезней* и затруднение возможности сохранения здоровья, что определяло качество человеческого капитала. Утверждалось, что по сравнению с умеренными зонами в тропиках распространение инфекций происходит круглый год. Это делает людей более уязвимыми и менее продуктивными, что и сказывалось на долгосрочных показателях развития [34; 35].

Низкое качество почв и плохой климат связывали с нехваткой дождевой воды, неразвитостью систем орошения, разнообразием вредителей и паразитов, что затрудняло развитие животноводства и смешанного аграрного производства, это, в свою очередь, определяло низкую производительность сельского хозяйства [52].

Удалённость от мировых рынков определяет рост транспортных затрат. Этот географический фактор, согласно выполненным оценкам, ухудшается при отсутствии прямого выхода к морю: перемещение по суше сильно затрудняет транспортировку товаров [27].

Наделённость так называемыми точечными природными ресурсами – нефтью, газом, алмазами, золотом, серебром и драгоценными камнями – оценивалась как потенциальный источник устойчивого роста, но только если ресурсы эксплуатируются эффективно. В то же время, эти ресурсы, по оценкам, часто оказывались стимулом к извлечению «ресурсной ренты» и созданию политической и экономической нестабильности [51; 53].

Рассмотренные в работах институциональные факторы можно сгруппировать в политические и экономические институты. В политических институтах особое внимание уделялось насилию и способам установления над ним контроля, например, благодаря наличию государственности / централизации власти. Так, в работе [44] выявлена сильная позитивная связь между уровнем государственности / централизации власти и текущим сравнительным региональным неравенством в африканских странах. Более сложный вариант рассмотрен в работе [32], где утверждается, что чем выше в конкретной стране различия между постколониальными и

доколониальными институтами, тем выше относительная отдача от власти у современных элит при принятии неопатримониальной политики. То есть элиты, проживающие на территориях, где в доколониальное время не были созданы институты централизованного правления, в настоящее время склонны к получению помощи и опеки от бывших метрополий. Любопытно, что в фокусе дискуссий в рамках институциональной гипотезы был в основном Новый Свет, и не насилие и колонизация в Старом Свете¹. Это понятно: найти давние исторические примеры, когда география определяла стиль управления несложно, но сложно выделить и измерить факторы применительно к Старому Свету. Хотя работы такого рода встречаются, они чаще всего ограничены во времени и / или пространстве. Например, в исследовании [48] рассматривается Флорентийская республика с XIII–XV вв. и доказывается, что географические особенности Тосканы сыграли важную роль в формировании институтов, типа правления и экономических связей, которые предотвратили формирование феодализма, способствовали началу эпохи Возрождения и заложили основы социальной мобильности во флорентийском обществе. Авторы утверждают, что инклюзивные институты, сформированные в Средние века и развитые в новые, определяют лучшее развитие Тосканы в настоящее время.

Изучая экономические институты, авторы анализировали в основном наличие прав собственности и институтов рынка. Любопытно, что включение этих факторов в эконометрические модели признавалось весьма проблематичным из-за их эндогенности по отношению к экономическому росту. Поэтому рыночные институты часто анализировались как случаи, а не факторы в эконометрической модели. Так, Д. Асемоглу с соавторами изучают, почему институты частной собственности возникли в Ботсване, а не в других африканских странах. Авторы приходят к заключению, что: а) Ботсвана располагала относительно инклюзивными доколониальными институтами, это накладывало ограничения на политические элиты; б) британский колониализм не разрушил эти институты; в) после обретения независимости укрепление институтов частной собственности оказалось в экономических интересах элиты; г) алмазы Ботсваны приносили хорошую ренту, чтобы ни одна социальная страта не захотела «раскачивать лодку» [22].

В следующих частях работы мы рассмотрим, как проявлялся каждый из этих географических и институциональных факторов на территории бассейна р. Амур, стремясь объяснить возможную связь между географией и институтами и динамику развития последних.

Перед этим сделаем одно предварительное замечание. Изучая институциональную динамику, экономисты нередко обращались к событиям и данным столетней и более давности. В некоторых работах сделан особый акцент на том, что такой экскурс в историю имеет смысл в том случае, если выявлен и объяснён канал передачи институтов (норм, ценностей, образцов поведения), и, конечно, совсем необязательно этот канал должен быть прямым. В работе [23] показано, что влияние доколониальных институтов «сохранилось» до наших дней благодаря существованию самоуправляемых индейских общин в сельских районах Латинской Америки. Группы индейцев смогли организовываться и отстаивать свои интересы перед национальными правительствами, что вело к лучшим результатам. Принципиально иной канал передачи обсуждается в работах [38; 39]. Авторы утверждают, что антирыночная культура (отказ от предпринимательства, неприятие частной собственности и снижение доверия) в 2000-е гг. выявляется там, где в XVIII в. существовало поддерживаемое государством наси-

¹ Примеров, которые можно было бы рассматривать применительно к Европе, множество: Римские колонии и неравномерность развития после распада Древнего Рима и до настоящего времени; развитие островной Англии в Средние века и долгосрочные последствия для Уэльса или Ирландии; Австро-Венгерская империя нового времени и неравномерность развития Центральной Европы.

лие в отношении евреев, которые, как известно, на протяжении столетий являются носителями именно рыночной культуры. Погромы, которые устраивали неевреи в XVIII–XIX вв., закрепили у них самих культурные нормы, препятствующие развитию рынка сейчас.

В своей работе мы также обратим внимание на исторические *доколониальные* (XVII–XVIII вв.) и *колониальные* (с середины XIX в.) институты, то есть те, что складывались в бассейне р. Амур до прихода и с приходом Российской империи соответственно.

Географические факторы¹

В качестве объекта исследования данной статьи выступает современная российская территория бассейна р. Амур. Рассматривая каждый из вышеопределённых факторов, будем стремиться обозначить потенциальный источник данных (показатели или подходы для их измерения), поскольку современная аргументация в дискуссии об институтах и развитии требует численных оценок.

Болезни. Очевидно, что изучаемому региону тропические болезни не грозят, но есть другие природно-очаговые болезни, которые до изобретения антибиотиков могли мешать росту населения или препятствовать ускорению заселения территории. К таким болезням могли относиться: геморрагическая лихорадка с почечным синдромом («мышинная лихорадка»); туляремия («чума-подобная» болезнь); болезни, переносимые иксодовыми клещами (боррелиозы, энцефалит) [8]. Текстов об опасности этих болезней для туземного населения в XVII–XIX вв. нам не встретилось, хотя «мышинная лихорадка», циркулирующая именно и только на Дальнем Востоке, или лептоспироз и описторхоз, характерные для богатых водой регионов, гипотетически могли бы объяснять малую плотность населения. Не встретились и тексты, посвящённые тому, что колонисты (русские или цинские) чрезмерно страдали от встречи с местными болезнями.

Поэтому гипотеза о связи ареалов распространения нетропических природно-очаговых болезней с выбором экстрактивной колонизации может иметь смысл, но в целом она едва ли главный претендент для анализа. При проведении численных оценок переменная может включаться в модель, а в качестве источника данных могут использоваться современные оценки распространения природно-очаговых болезней [8].

Почвы и климат. На выбор экстрактивной или инклюзивной колонизации может влиять наличие и качество почв. Преобладание почв, удобных для земледелия, может подталкивать колонистов к инклюзии. Как мы знаем сейчас, почв, пригодных для земледелия, в бассейне р. Амур не так уж и мало, встречаются даже ареалы чернозёмовидных почв. Однако о существовании последних в XVII в. не знало даже туземное население. В основном «плодородные земли», обрабатываемые туземцами, относились к аллювиальным, то есть затопляемым (*рис. 1а*). Хотя к р. Амур русские вышли за землёй, но она была нужна не для аграрной колонизации (допускающей развитие инклюзивных институтов), а для формирования продовольственной базы для охотников за мехами [9].

Даже первые специальные экспедиции начала XX в. описывали «амурские чернозёмы» как преимущественно болотные почвы (*рис. 1б*). Указание на заболоченность было неслучайным. Судя по письменным свидетельствам, реки бассейна р. Амур регулярно выходят из берегов и затопляют не только аллювиальные участки [18]. Наводнения вполне могут объяснять, почему территории амурского бассейна не были аграрным раем ни в XVII в., ни в XIX в. Наводнения, которые были постоянной угрозой до строительства ГЭС, отличаются в этом регионе

¹ Мы исходим из предположения о стабильности географических факторов с начала XVI в.

от тех, что характерны для других территорий России, так как они связаны с умеренным муссонным климатом и летними дождями (а не с весенними паводками). То есть они случаются тогда, когда наносят наибольший вред аграрному производству. Этот фактор, как мы покажем далее, является хорошим претендентом для объяснения экстрактивной стратегии колонизации.

Рис. 1а. Земледелие и поселения туземного населения в XIX в.: тяготение к аллювиальным (затопляемым) почвам.

Фрагмент авторской геоинформационной системы «Пространственное развитие бассейна реки Амур»

Примечания: зелёные полигоны – аллювиальные почвы, коричневые – чернозёмовидные; штриховка – места расселения оседлых дауров; × – расположение даурских городков.

Источник: выполнено авторами по: [5; 11].

Рис. 1б. Историческая карта почв Зейско-Бурейского водораздела

Источник: [14].

Транспортная доступность / удалённость от мест торговли. Данный географический фактор является безусловным претендентом на объяснение отставания территорий бассейна р. Амур по уровню экономического развития от, скажем, Европы в позднее Средневековье и Новое время. «На Амур» отсутствовали удобные торговые маршруты, что среди прочего определялось крайне суровыми погодными условиями Сибири и отсутствием известных удобных бухт со стороны Тихоокеанского побережья. Туземное население гипотетически могло торговать только с южными соседями. Но региональные лидеры с большим населением – средневековая территория Японии и китайские крупные города – были расположены относительно далеко и к тому же отделены от туземного населения маньчжурами, монголами и другими потомками азиатских империй, враждующими между собой и с соседями. Этот фактор может хорошо объяснять отставание в развитии рыночных институтов: нет близкорасположенных рынков, следовательно, отстаёт специализация, большинство домохозяйств обеспечивает себя самостоятельно, торговля – в основном меновая – происходит либо внутри кланов, либо с приезжающими «колонистами», часто как результат применения насилия последними.

Наделённость общераспространёнными и точечными ресурсами. Хотя бассейн р. Амур богат точечными (золото) и распространёнными (уголь, торф, железные руды) ресурсами, добычи и производства здесь не было до XX в. Более того, о запасах в XVII–XVIII вв.

не знали. Основным экономическим ресурсом для туземного населения был мех. Распространённость и даже избыточность этого ресурса (при уже начавшемся его дефиците в Европе) была основным фактором колонизации региона в XVII–XVIII вв. и можно предположить, что именно этот географический фактор в не меньшей степени, чем климат (летние наводнения) мог влиять на стиль колонизации территории.

В XVII в. соболь, белка и лиса встречались за Уралом повсеместно, найти способ учёта этого фактора в численных оценках проблематично. Возможный выход – в качестве «прокси» использовать показатели качества меха соболя. Естественный ареал этого пушного зверя, ныне в основном утраченный, это большой Дальний Восток, включая современную Монголию, Корею, Северо-Восток Китая и Северо-Восток Казахстана. Но ареал ценного соболя намного уже: самый ценный – обитал вокруг о. Байкал (баргузинский), чуть худшего качества – в районах современной Якутии (якутский), тобольский соболь имел мех самого низкого качества [2] (рис. 2).

Рис. 2. Ареал соболя в XVII в.

Фрагмент авторской геоинформационной системы
«Пространственное развитие бассейна реки Амур»

Источник: выполнено авторами по: [2].

Институциональные факторы

Политические институты. На изучаемой территории в XVII в. не было устойчивых государственных образований. Колонизацию территории одновременно начали маньчжуры, создавшие в это время империю Цин, и русские [43]. Их интересы пересекались, но не были идентичными. Стимулы для продвижения маньчжур были скорее политическими (закрепление влияния на территории и подчинение проживающих народов); для русских – в большей степени торгово-экономическими (получение доступа к ресурсу и нахождение новых торговых маршрутов). Однако внешним эффектом этих стимулов становился грабёж местного населения (у которого изымали меха) и маньчжурами, и русскими. Для туземцев мех долгое время был лишь способом сохранения тепла, но по мере появления здесь представителей централизованных государств, он становился товаром, платёжным средством и «ясным» бременем. Согласно А. Эткинду, для

России мех был условными углеводородами прошлого. В отличие от белки, торговля которой в «русском ядре» всегда оставалась высококонкурентной, соболь был ресурсом, требовавшим вооружённых отрядов и потому его добыча быстро монополизировалась, сделалась олигархической [19]. То есть стратегия колонизации оставалась экстрактивной: русским не нужна была земля Амура (ни для плантационного земледелия, ни для разведения животных), но нужны были ресурсы, которые изымались преимущественно насильственными способами.

Получали пушнину за счёт меновой торговли, но гораздо чаще – за счёт «ясачного сбора» (далее – ясак) – дани с одной «души». Ясак различался в зависимости от труднодоступности территории, качества охотничьих угодий и опасности вооружённого конфликта. Чтобы туземное население было более сговорчивым, часто захватывали заложников – аманатов [1]. Если выкуп не вносился, пленных убивали – рабы мобильным отрядам казаков были не нужны. Официально захват аманатов, ясырей (пленников) русским государем не приветствовался, но источники не оставляют сомнений, что это было повсеместной практикой [3; 1].

Завоёвывать р. Амур Е. Хабаров отправился с 300 казаками. Объяснить такую небольшую численность экспедиционного корпуса можно только жестокостью тактики казачьих отрядов и наличием у них современного вооружения. Впрочем, это «работало» в отношении туземцев, но не маньчжур, имевших «и лучный, и огненный бой» [4].

В ответ на приход русских, маньчжуры совершали всё более глубокие рейды вглубь левого берега р. Амур в 1660–1680 гг. Цинская администрация начала укрепление северных рубежей, отстроив в 1682 г. крепость Айгунь (современный Хэйхэ). Постройка крепости позволила контролировать среднее течение р. Амур и устье р. Зеи [46]. К 1683 г. маньчжуры полностью вытеснили русских с бассейна р. Зеи, уничтожив Долонский, Селенбинский, Тугирский и Зейский остроги [1]. В 1685 г. осадили последний русский острог – Албазинский. Разорив и его, цинские войска отошли к Айгуню. Донесения разведчиков, что маньчжуры полностью ушли, но оставили посеы, мотивировали русских вернуться [3]. Новые укрепления Албазина позволили выдержать пятимесячную осаду [1]. Летом 1687 г. маньчжуры не дали возможности засеять окрестные поля. В августе 1689 г. был подписан русско-китайский договор, оставивший левый берег р. Амур под маньчжурским правлением до середины XIX в.

Насколько устойчивым было местоположение населённых пунктов, созданных в XVII в.? Если городок (острог) по какой-то причине освобождался от одной этнической группы, обустроивала ли здесь другая группа свой населённый пункт? Ответ на этот вопрос мог бы объяснить один из возможных каналов передачи институтов¹. Обнаружение (неединичных) археологических объектов (посёлков, дорог, укреплений), продолжительно развивающихся на одном и том же месте в изучаемом регионе, позволило бы сформулировать гипотезу о том, что несмотря на постоянные изменения в составе населения, люди могли передавать друг другу нормы, знания и практики. Ведь даже в случае войн, принудительных переселений и природных катастроф на месте могли оставаться объекты материальной культуры и какое-то количество людей – носителей институциональных норм.

Археологические данные демонстрируют единичность объектов материальной культуры изучаемого бассейна. В 2014–2016 гг. Институт археологии РАН подготовил географо-ин-

¹ В литературе обсуждается, что расположение и размеры городов и дорог устойчивы во времени, несмотря на любые «шоки». В работе [29] авторы заключают, что самые крупные «шоки» (природные катастрофы или атомные бомбардировки) не оказывали долгосрочного воздействия на размеры городов: те, что были относительно большими в данной локальности в X в., являются относительно большими и в XXI в. В другом исследовании [45] выявлено, что объекты материальной культуры (дороги, крепости и т. п.) способствовали устойчивому переносу социальных структур, сформированных в Риме, в районе Иберии (Испания).

формационную систему «Археологические памятники России», в том числе сделав пробные замеры (шурфы), чтобы учесть возможную плохую исследованность отдельных регионов (рис. 3). Авторы доказывают, что «низкая концентрация археологических памятников... (в ДФО – авт.) не должна интерпретироваться как следствие недостатка первичной информации об археологических ресурсах». Из 648 памятников большая часть относится к каменному – раннему железному векам и лишь 194 – к интересующим нас Средним векам [7].

Рис. 3. Пространственное расположение археологических памятников России

Источник: [7].

Рассмотрим некоторые фактологические данные. Известный русский колонист Е. Хабаров заложил нескольких острогов. Ачанский острог был построен в 1652 г. [3]. Острог выдержал зимнее нападение туземцев, а затем и осаду регулярных маньчжурских войск. Однако уже в следующем году он был оставлен, а отряд ушёл вверх по р. Амур, за Хинган. Там Е. Хабаров планировал поставить новый острог на слиянии рек Зeya и Амур, в районе современного г. Благовещенска [4]. Помешал строительству острога бунт части казаков из-за нехватки продовольствия. В ответ на жалобы казаков столичный чиновник предложил взяться за плуг и начать заниматься земледелием. Это поручение никто выполнять не стал, да и вряд ли смог бы: сельское хозяйство означало бы отказ от мобильности [15].

Самым известным сейчас и самым устойчивым – по местным меркам – во времени был Албазинский острог. Потеряв на верхнем и среднем Амуре продовольственную базу, русские

использовали его не только для хранения ясака, удержания аманатов, но и для самообеспечения сырьём. Более того, сам острог строили на месте даурского городка Якса. Участники похода Е. Хабарова зимовали там в 1650–1651 гг., после чего городок был сожжён. В 1665–1666 гг., через 15 лет, на этом месте самовольно поселилась группа беглых казаков и крестьян во главе с Н. Черниговским. Бежали они от религиозных притеснений и взяли на себя функции сбора ясака вокруг и вниз по р. Амур. Собранный ясак они исправно отправляли в Нерчинск [3; 4], за что и были прощены царём в 1672 г. На положительный исход ходатайства о прощении повлиял тот факт, что албазинцы были полезны государству не только ясаком, но и землепашеством. В 1674–1678 гг. земледелие становится основной формой хозяйствования, а сбор ясака отходит на второй план [1]. Происходит приток нового населения, недалеко от Албазина отстраивают монастырь, заводят пашню и заселяют округу крестьянами. А. Артемьев приводит такие сведения: «по Амуру от устья Аргуни до впадения р. Комары (Хумаэрхэ) по р. Зее насчитывалось более 20 русских поселений. У слияния рек Шилки и Аргуни находились Усть-Аргунская (Усть-Стрелочная) слобода, немного ниже по Амуру – Амурская слобода. В устье притока Амура – р. Вятки располагалась д. Вяткина, в устье р. Урки – Перелешина заимка, ещё ниже по Амуру – слобода Игнашино, немного выше устья р. Ольдой – д. Паново. В полутора днях пешего пути до Албазина – Ондокомские заимки. Ниже Албазина находились деревня Чулкова, заимки Большая, Шингаловская, Монастырская, деревни Солдатово, Озёрное, Ильинское и Погодаево, одна из крупнейших на Амуре – Покровская слобода и наиболее удалённая от острога – деревня Андриюшкина в устье р. Буринда» [3].

Ни один из этих населённых пунктов не стал городком, который развивался бы после ухода русских. Есть несколько институциональных объяснений неустойчивости объектов материальной культуры во времени. Земля была здесь в изобилии, но не имела никакой ценности. Бывшие населённые пункты, будучи брошенными, быстро «отвоёвывались» природой и не закладывали фундамент будущих городов. Кроме того, для региона была характерна клановая, а не городская модель кооперации (этот фактор более подробно обсудим ниже), то есть экономические институты тоже не способствовали устойчивости объектов материальной культуры.

Таким образом, в XVII в. туземное население не имело собственного государственного образования, но было знакомо с государственными институтами, которые работали только на экстракцию природных ресурсов (и конкретно мехов). У колонистов не было стимулов для создания инклюзивных институтов: гораздо выгоднее было поддерживать стимул к охоте, нежели лечить, учить или создавать справедливые суды. Следовательно, экстрактивной стратегии колонизации следовали и русские, и маньчжуры, а соответствующие институты насилия на долгие годы определили развитие не только самих периферий, но и государственных институтов в метрополиях. Институты, которые могли бы претендовать на постоянство во времени, связаны в этом регионе с экстракцией природных ресурсов. Канал их передачи, видимо, не связан с материальной культурой, но связан с институтами насилия. Два географических фактора ассоциируются с такими экстрактивными институтами: общераспространённые ресурсы (мех) и летние наводнения (сложность развития сельскохозяйственной альтернативы, о чём будет сказано далее).

Экономические институты. По разным причинам ни маньчжуры, ни русские в XVII в. не стремились ни к своей оседлости на территории, ни к оседлости местного населения, наоборот – были заинтересованы в продолжении охотничьего, хищнического промысла и кочевнического образа жизни туземцев. С точки зрения экономических институтов это означало отсутствие стимулов для развития прав собственности¹.

¹ Конечно, мы здесь имеем в виду права собственности в «западном» смысле термина. Более того, оставляем за скобками и то, что «западные» права собственности имели различия, например, значительно отличались английская и романо-германская модели.

В начале XVII в. на территории проживали близкие туземные и мигрировавшие в регион группы (солоны, тунгусы, дауры, дючеры и др.). Определить их географическое расселение сложно. Во-первых, путаница внесена источниками именования. Самоназвания и названия, привнесённые доминирующими группами (колонизаторами), конфликтовали. Например, группы маньчжоу, хада, ула, ехэ и хойха были объединены императорским указом под названием «маньчжуры». Во-вторых, в основном население не было оседлым, даже земледельцы передвигались вслед за пашней. В-третьих, учёт населения мог меняться и был связан с политической дистанцией и текущими задачами [16]. Некоторые из этих групп занимались земледелием.

Земледельцы, проживавшие до конца XVII в. на территории бассейна р. Амур, в русскоязычных источниках именуются даурами и дючерами. Ориентируясь на карты, составленные Б. Долгих [5], можно определить места проживания этих народов в XVII в. (рис. 4).

Рис. 4. Расселение туземных народов в XVII в.
Фрагмент авторской геоинформационной системы
«Пространственное развитие бассейна реки Амур»

Примечание. Зелёные штрихованные полигоны – кочевые туземные этнические группы, красные – оседлые.
Источник: выполнено авторами по: [5].

Адаптированные к местным условиям агротехнологии и благоприятные климатические условия позволяли даурам и дючерам выращивать рожь, пшеницу, ячмень, овёс, просо, гречиху и др. Кроме того, они разводили лошадей, крупный рогатый скот и свиней [16]; строили деревянные городки; знали ремёсла и металлообработку; пользовались керамической посудой и тканями, которые получали в обмен от китайских торговцев. То есть земледельцы обладали

собственностью и соответственно у них существовала более сложная система распределения и контроля прав собственности, чем у групп, занимавшихся охотой.

Любопытно, как производимые в регионе товары участвовали в экономических обменах и какие экономические институты формировались в результате. А. Грейф и Г. Табеллини [37] показали, что в Европе кооперация (и рождающиеся на её основе институты рынка) формировалась благодаря самоуправляемым городам. Городская кооперация определяла развитие ярмарок и судов, а с ними и формального права, то есть единых норм для горожан, вне зависимости от их семейной принадлежности и генерализованного доверия к согорожанам. В Китае, согласно [37], основным локусом кооперации были не города, но кланы. Клановая кооперация приводила к чрезвычайной дифференциации норм права: правила отличались от клана к клану, одни кланы имели привилегии по сравнению с другими. Внутриклановое доверие преобладало в ущерб генерализованному доверию. В изучаемом нами регионе кооперация также определялась клановой системой. Маньчжуры считали, например, дауров более близкой к себе группой [16], что определяло более лояльные способы изъятия у них ясака и развитие меновой торговли. В целом клановая система препятствовала развитию генерализованного доверия и единых формальных норм. К концу XVII в. всё земледельческое население было выселено из региона для того, чтобы ограничить русским доступ к продовольствию [46]. Вместе с земледельцами из региона были элиминированы «зародыши» рыночных институтов.

Таким образом, как и в случае с политическими институтами, влияние географии на экономические институты легко прослеживается. Климат и удалённость рынков определяли отсутствие земледелия, что ограничивало развитие прав собственности, единых формальных норм и генерализованного доверия. Клановая система кооперации определяла экстрактивную стратегию колонизации, но само развитие клановой кооперации (а не городской) сложнее связать с географическими факторами. Эта связь, видимо, существует. А. Грейф и Г. Табеллини объясняют её различиями в массовых миграциях из-за быстрых климатических изменений в ранний Средневековый период, но этот вопрос (и период) выходит за пределы данной статьи.

Вместо заключения: географические факторы и динамика институтов до середины XIX в. и после

Возвращаясь к цели нашей статьи, отметим, что колонизация бассейна р. Амур вплоть до XIX в. носила экстрактивный характер. В этом, видимо, были «повинны» такие географические факторы, как муссонный климат (летние наводнения); распространённые ресурсы (меха); удалённость от крупных рынков, детерминировавшие такие институциональные факторы, как отсутствие прав собственности, единых формальных норм и генерализованного доверия, а также распространённость насилия. Клановая кооперация, также, вероятно, определяемая географическими факторами, оказывала значительное влияние на преобладавшие в регионе институты. Каналы передачи институтов, видимо, не были связаны с трансфером культурных норм на месте (через объекты материальной культуры), но с закреплением культуры насилия в «отправляющем обществе».

В XIX в. ситуация начинает резко меняться – появляется спрос на землю, формируются институты прав собственности на неё, вместе с колонистами в регион импортируются разнообразные институты, в том числе некоторые из них носят характер инклюзивных, и часть – ориентированы на туземное население. В рамках статьи нет возможности дать их характеристику, но мы хотим на конкретном кейсе показать, как срабатывали каналы передачи экстрактивных институтов.

Этнограф Л. Шренк показал изменения в составе и расселении населения, произошедшие к середине XIX в.: на месте землепашцев поселились охотники [17]. В результате почти вся земля, обрабатываемая в XVII в., оказалась брошенной (ср. жёлтый полигон и полигон, заштрихованный красным на [рисунке 5а](#)). Исключением стал участок вокруг созданного в 1682 г. постоянного военного маньчжурского поста в Айгуни, где для обеспечения продовольствием были созданы посёлки, составившие после подписания Айгуньского договора так называемый маньчжурский клин ([рис. 5б](#)) [17]. Можно сказать, что с 1859 до 1900 г. «маньчжурский клин» являлся примером инклюзии – туземному (маньчжурскому) населению была не просто выделена земля, но предоставлены культурно-специфичные права. Это, вероятно, способствовало быстрой передаче инноваций: русские крестьяне, жившие в непосредственной близости с маньчжурскими (русская Владимировка рядом с маньчжурскими посёлками, [рис. 5в](#)), перенимали их агрокультуры (соевые бобы, гаолян и др.) и способы их возделывания [13].

Рис. 5а. Маньчжурский клин XIX в. (жёлтый) на фоне расселения оседлых туземных групп. Фрагмент авторской геоинформационной системы «Пространственное развитие бассейна реки Амур»

Источник: выполнено авторами.

Рис. 5б. Маньчжурский клин

Источник: [10].

Рис. 5в. Расположение маньчжурских и русского поселений

Источник: [12].

Можно обоснованно предполагать, что часть очень быстрого экономического роста российского Дальнего Востока в начале XX в. [41] определялась именно инклюзивными институтами. Однако они вступали в серьёзное противоречие с экстрактивными. Продолжая рассматривать тот же случай «маньчжурского клина», напомним, что он был уничтожен в 1900 г.: крестьяне жестоко выселены, а большая их часть убита.

Схема (рабочая), связывающая географические факторы со стратегией колонизации и институциональными факторами, представлена на [рисунке 6](#).

Рис. 6. Схема влияния географических и институциональных факторов на современное экономическое развитие

Источник: составлено авторами.

Выводы статьи о влиянии экстрактивных институтов на развитие и их связи с географическими факторами требуют численного (эконометрического) тестирования. Источники данных для этого мы описали в соответствующих разделах, упоминая составленную авторами цифровую карту территории. Применение геоинформационной системы позволяет учесть свойство пространственной неоднородности географической среды. В качестве зависимой переменной в эконометрической модели могут стать региональные вариации в современных экономических показателях, как это проксируется спутниковыми снимками плотности света в ночное время (достоверность такого подхода описана в ряде источников [44; 54; 55]). В качестве независимых переменных, оценивающих влияние географии – вариации климата (измеряемые осадками и наводнениями), вариации наделённости ресурсами (в данном случае – вариации качества меха соболя) и удалённости от крупных рынков (измеренные продолжительностью пути до ближайшего ярмарочного российского города). В качестве независимых переменных, оценивающих влияние институтов – вариации прав отдельных этнических групп в зависимости от их культурной (клановой) удалённости от маньчжур.

Благодарности

Авторы выражают признательность Ф. Паулсену, почётному консулу РФ в Лозанне, благодаря которому стало возможным создание геоинформационной системы «Пространственное развитие бассейна реки Амур». Также мы благодарим коллег, с которыми начинали эту работу (О. Васильева, А. Турбин, А. Купера, К. Гупало, Т. Журавская).

Список литературы

1. Албазинский острог: история, археология, антропология народов Приамурья / Отв. ред. А.П. Забияко, А.Н. Черкасов. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. 348 с.
2. Аристов А.А., Барышников Г.Ф. Млекопитающие фауны России и сопредельных территорий. Хищные и ластоногие. СПб., 2001. 560 с.
3. Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. Владивосток: Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 1999. 335 с.
4. Грумм-Гржимайло Г.Е. Описание Амурской области / под ред. П.П. Семёнова, СПб.: Типо-лит. и переплётная С.М. Николаева, 1894. 649 с.
5. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. 622 с.
6. Дьякова О.В., Зайцев Н.Н., Шевченко В.В. Даурские городки Приамурья (по письменным и археологическим источникам) // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Материалы IX Международной научно-практической конференции / Отв. ред. О.А. Шеломихин. Вып. 9. Ч. 1. Благовещенск: БГПУ, 2019. С. 87–98.
7. Макаров Н.А., Зеленцова О.В., Коробов Д.С., Черников А.П., Ворошилов А.Н. Россия как археологическое пространство: первые итоги работы по созданию национальной географо-информационной системы «Археологические памятники России» // Российская археология. 2016. № 4. С. 5–15.
8. Медико-географический атлас России «Природноочаговые болезни» / под ред. С.М. Малхазовой. М.: Географический факультет МГУ, 2015. 208 с.
9. Огородников В.И. Туземное и русское земледелие на Амуре в XVII в. Владивосток: Тип. Гос. Дальневост. ун-та, 1927. 91 с.
10. Патканов С.К. Опыт географии и статистики тунгусских племён Сибири на основании данных переписи населения 1897 г. и других источников. Вып. 2. СПб.: Типография Сибирского акционерного общества «Слово», 1906. 283 с.
11. Почвенная карта РСФСР [Карты] / Гл. ред. В.М. Фридланд. М.: ГУГК, 1988. 16 л.
12. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока. Ф. 704. Канцелярия военного губернатора Амурской области. г. Благовещенск. Оп. 1. Д. 747. Л. 8.
13. Смирнов Е.Т. Приамурский край на Амурско-Приморской выставке 1899 г. в гор. Хабаровске. Хабаровск: Тип. Канцелярии Приамур. ген.-губернатора, 1899. 669 с.
14. Томашевский И.И. Почвы юго-западной части Зейско-Буреинского водораздела / под ред. К.Д. Глинки. СПб.: Типография В.О. Киршбаума, 1912. 84 с.
15. Тураев В.А. Хожение «Встречь солнцу» в контексте проблем присоединения Дальнего Востока к Российскому государству (XVII–XVIII вв.) // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2013. № 1 (167). С. 37–47.
16. Цыбенков Б.Д. Даурские роды в XVII в. // Вестник БГУ. Философия. 2011. № 8. С. 238–246.
17. Шренк Л.И. Об инородцах Амурского края. Т. 1–3. Т. 2. Части географическо-историческая и антропо-этнологическая. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1883. 335 с.

18. Экстремальные паводки в бассейне Амура: гидрологические аспекты / под ред. В.Ю. Георгиевского. СПб.: ФГБУ «ГТИ», ООО «ЭсПэХа», 2015. 171 с.
19. Эткин А.Е. Природа зла. Сырьё и государство. М.: Новое литературное обозрение (НЛО), 2020. 496 с.
20. Acemoglu D., Robinson J. Why Nations Fail? The Origins of Power, Prosperity, and Poverty. New York: Crown, 2012. 544 p.
21. Acemoglu D., Johnson S., Robinson J., Thaicharoen Y. Institutional Causes, Macroeconomic Symptoms: Volatility, Crises and Growth // Journal of Monetary Economics. 2003. № 50. Pp. 49–124.
22. Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. An African Success Story: Botswana. London, Centre for Economic Policy Research, 2002. URL: https://cepr.org/active/publications/discussion_papers/dp.php?dpno=3219 (дата обращения: 07.02.2021).
23. Angeles L., Elizalde A. Pre-Colonial Institutions and Socioeconomic Development: The Case of Latin America // Journal of Development Economics. 2017. Vol. 124. Issue C. Pp. 22–40.
24. Auer R.A. Geography, Institutions, and the Making of Comparative Development // Journal of Economic Growth. 2013. Vol. 18. Issue 2. Pp. 179–215.
25. Banerjee A., Iyer L. History, Institutions, and Economic Performance: The Legacy of Colonial Land Tenure Systems in India // American Economic Review. 2005. Vol. 95. № 4. Pp. 1190–1213.
26. Blanton R., Mason T.D., Athow B. Colonial Style and Post-Colonial Ethnic Conflict in Africa // Journal of Peace Research. 2001. Vol. 38. № 4. Pp. 473–491.
27. Bloom D., Sachs J. Geography, Demography, and Economic Growth in Africa // Brookings Papers on Economic Activity. 1998. № 2. Pp. 207–295.
28. Chanda A., Cook C., Putterman L. Persistence of Fortune: Accounting for Population Movements. There Was No Post-Columbian Reversal // American Economic Journal: Macroeconomics. 2014. Vol. 6. № 3. Pp. 1–28.
29. Davis D.R., Weinstein D.E. Bones, Bombs, and Break Points: The Geography of Economic Activity // American Economic Review. 2002. Vol. 92. № 5. Pp. 1269–1289.
30. Easterly W., Levine R. Tropics, Germs, and Crops: How Endowments Influence Economic Development // Journal of Monetary Economics. 2003. Vol. 50. № 1. Pp. 3–39.
31. Engerman S.L., Sokoloff K. Factor Endowments: Institutions, and Differential Paths of Growth Among New World Economies: A View from Economic Historians of the United States // Economía. 2002. Vol. 3. № 1. Pp. 41–109.
32. Englebert P. Pre-Colonial Institutions, Post-Colonial States, and Economic Development in Tropical Africa // Political Research Quarterly. 2000. Vol. 53. № 1. Pp. 7–36.
33. Fielding D., Torres S. Cows and Conquistadors: A Contribution on the Colonial Origins of Comparative Development // The Journal of Development Studies. 2008. Vol. 44. Issue 8. Pp. 1081–1099.
34. Gallup J.L., Sachs J.D. The Economic Burden of Malaria // The American Journal of Tropical Medicine and Hygiene. 2001. Vol. 64. Issue 1. Pp. 85–96. <https://doi.org/10.4269/ajtmh.2001.64.85>
35. Gallup J.L., Sachs J.D., Mellinger A.D. Geography and Economic Development // International Regional Science Review. 1999. Vol. 22. № 2. Pp. 179–232.
36. Gennaioli N., Rainer I. The Modern Impact of Precolonial Centralization in Africa // Journal of Economic Growth. 2007. Vol. 12. Issue 3. Pp. 185–234.
37. Greif A., Tabellini G. The Clan and the Corporation: Sustaining Cooperation in China and Europe // Journal of Comparative Economics. 2017. Vol. 45. № 1. Pp. 1–35.
38. Grosfeld I., Rodnyansky A., Zhuravskaya E. Persistent Antimarket Culture: A Legacy of the Pale

- of Settlement After the Holocaust // *American Economic Journal: Economic Policy*. 2013. Vol. 5. № 3. Pp. 189–226.
39. Grosfeld I., Sakalli S.O., Zhuravskaya E. Middleman Minorities and Ethnic Violence: Anti-Jewish Pogroms in the Russian Empire // *The Review of Economic Studies*. 2019. Vol. 87. Issue 1. Pp. 289–342.
40. Lange M., Dawson A. Dividing and Ruling the World? A Statistical Test of the Effects of Colonialism on Postcolonial Civil Violence // *Social Forces*. 2009. Vol. 88. № 2. Pp. 785–817.
41. Markevich A. A Regional Perspective on the Economic Development of the Late Russian Empire (May 14, 2019). <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2555273>
42. Meisel A. No Reversal of Fortune in the Long Run: Geography and Spatial Persistence of Prosperity in Colombia, 1500–2005 // *Journal of Iberian and Latin American Economic History*. 2015. Vol. 32. Issue 3. Pp. 411–428.
43. Miasnikov V.S. The Manchu Invasion of the Amur River Valley and the 1689 Treaty of Nerchinsk // *Chinese Law and Government*. 1973. Vol. 6. Issue 4. Pp. 22–91.
44. Michalopoulos S., Papaioannou E. National Institutions and African Development: Evidence from Partitioned Ethnicities. URL: <https://ssrn.com/abstract=2153525> (дата обращения: 13.10.2020).
45. Moreno Escobar M. del C., Ojeda-Rivera J.F., García Sanjuán L. Effects of Roman Rule on the Settlement Geography of South Iberia: A GIS-Based Approach // *Oxford Journal of Archaeology*. 2020. Vol. 39. Issue 2. Pp. 189–212.
46. Narangoa L., Cribb R. Historical Atlas of Northeast Asia, 1590–2010: Korea, Manchuria, Mongolia, Eastern Siberia. New York. Columbia University Press, 2014. 352 p.
47. Nunn N., Puga D. Ruggedness: The Blessing of Bad Geography in Africa // *The Review of Economics and Statistics*. 2012. Vol. 94. № 1. Pp. 20–36.
48. Pilipović O., Rančić N., Ahtik M. Geography, Institutions and Economic Development: Political Economy of Florence from 13th to 15th Century // *Ekonomski Pregled*. 2009. Vol. 60. № 5–6. Pp. 267–289.
49. Rodrik D. Institutions, Integration, and Geography: In Search of the Deep Determinants of Economic Growth. URL: <http://www.tinyurl.com/y6y5es6d> (дата обращения: 10.10.2020).
50. Rodrik D., Subramanian A., Trebbi F. Institutions Rule: The Primacy of Institutions Over Geography and Integration in Economic Development // *Journal of Economic Growth*. 2004. Vol. 9. Issue 2. Pp. 131–165.
51. Sachs J., Warner A. Economic Reform and the Process of Global Integration // *Brookings Papers on Economic Activity*. 1995. № 1. Pp. 1–118.
52. Sachs J.D. Tropical Underdevelopment. URL: <https://www.nber.org/papers/w8119> (дата обращения: 02.10.2020).
53. Sala-i-Martin X., Subramanian A. Addressing the Curse of Natural Resources: An Illustration from Nigeria. URL: <https://www.nber.org/papers/w9804> (дата обращения: 26.09.2020).
54. Seiffert S. Go East: On the Impact of the Tran-Siberian Railway on Economic Development in Eastern Russia. URL: https://wiso.uni-hohenheim.de/fileadmin/einrichtungen/wiso/Forschungsdekan/Papers_BESS/dp_02-2019_online.pdf (дата обращения: 01.11.2020).
55. Storeygard A. Farther on Down the Road: Transport Costs, Trade and Urban Growth in Sub-Saharan Africa // *The Review of Economic Studies*. 2016. Vol. 83. Issue 3. Pp. 1263–1295.

References

1. Albazinsky Ostrog: *History, Archaeology, and Anthropology of the Peoples of the Amur Region*. Ed. by A.P. Zabyako, A.N. Cherkasov. Novosibirsk, 2019. 348 p. (In Russian)
2. Aristov A.A., Baryshnikov G.F. *The Mammals of Russia and Adjacent Territories. Carnivores and Pinnipeds*. Saint Petersburg, 2001. 560 p. (In Russian)

3. Artemev A.R. *Towns and Forts of Transbaikalye and Priamurye in the Second Part of the XVII–XVIII Centuries*. Vladivostok, 1999. 335 p. (In Russian)
4. Grumm-Grzhimaylo G.Ye. *Description of the Amur Region*. Ed. by P.P. Semenov. Saint Petersburg, 1894. 649 p. (In Russian)
5. Dolgikh B.O. *Clan and Tribal Composition of the Peoples of Siberia in the XVII Century*. Moscow, 1960. 622 p. (In Russian)
6. Dyakova O.V., Zaitsev N.N., Shevchenko V.V. Daurian Towns of the Amur Region (According to Written and Archaeological Sources). In: *Russia and China: History and Prospects for Cooperation. Materials of the IX International Scientific and Practical Conference*. Ed. by O.A. Shelomikhin. Issue 9. Part 1. Blagoveshchensk, 2019. Pp. 87–98. (In Russian)
7. Makarov N.A., Zelentsova O.V., Korobov D.S., Chernikov A.P., Voroshilov A.N. Russia As Archaeological Space: First Results of Elaboration of the National GIS «The Archaeological Sites of Russia». *Rossiyskaya arkhеologiya* [Russian Archaeology]. 2016. No. 4. Pp. 5–15. (In Russian)
8. *Medico-Geographical Atlas of Russia «Natural Diseases»*. Ed. by S.M. Malkhazova. Moscow, 2015. 208 p. (In Russian)
9. Ogorodnikov V.I. *Native and Russian Farming in the Amur in the XVII Century*. Vladivostok, 1927. 91 p. (In Russian)
10. Patkanov S.K. *Experience of Geography and Statistics of the Tungus Tribes of Siberia on the Basis of Census Data of 1897 and Other Sources*. Issue 2. Saint Petersburg, 1906. 283 p. (In Russian)
11. *Soil Map of the RSFSR* [Maps]. Ed. by V.M. Fridland. Moscow, 1988. 16 p. (In Russian)
12. *Russian State Historical Archive of the Far East*. F. 704. Office of the Military Governor of the Amur Region. Blagoveshchensk. Inventory 1. Case 747. Sheet 8. (In Russian)
13. Smirnov Ye.T. *Priamursky Krai at the 1899 Amur-Primorsk Exhibition in the City of Khabarovsk*. Khabarovsk, 1899. 669 p. (In Russian)
14. Tomashevskiy I.I. *Soils of the Southwestern Part of the Zeya-Bureya Watershed*. Ed. by K.D. Glinka. Saint Petersburg, 1912. 84 p. (In Russian)
15. Turaev V.A. Walking for «Meeting of the Sun» in Context of Problems of Joining the Far East to Russia (XVII–XVIII Centuries). *Vestnik Dal'nevostochnogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk* [Vestnik of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences]. 2013. No. 1 (167). Pp. 37–47. (In Russian)
16. Tsybenov B.D. Daur Clans in 17th Century. *Vestnik BGU. Filosofiya* [BSU Bulletin. Philosophy]. 2011. No. 8. Pp. 238–246. (In Russian)
17. Shrenk L.I. *On the Foreigners of the Amur Region*. Vol. 1–3. Vol. 2. Geographic-Historical and Anthropo-Ethnological Parts. Saint Petersburg, 1883. 335 p. (In Russian)
18. *Extreme Floods in the Amur River Basin: Hydrological Aspects*. Ed. by V.Ju. Georgievsky. Saint Petersburg, 2015. 171 p. (In Russian)
19. Etkind A.E. *The Nature of Evil. Raw Materials and the State*. Moscow, 2020. 496 p. (In Russian)
20. Acemoglu D., Robinson J. *Why Nations Fail? The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*. New York: Crown, 2012. 544 p.
21. Acemoglu D., Johnson S., Robinson J., Thaicharoen Y. Institutional Causes, Macroeconomic Symptoms: Volatility, Crises and Growth. *Journal of Monetary Economics*. 2003. No. 50. Pp. 49–124.
22. Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. *An African Success Story: Botswana*. London, Centre for Economic Policy Research, 2002. Available at: https://cepr.org/active/publications/discussion_papers/dp.php?dpno=3219 (accessed 7 February 2021).
23. Angeles L., Elizalde A. Pre-Colonial Institutions and Socioeconomic Development: The Case of Latin America. *Journal of Development Economics*. 2017. Vol. 124. Issue C. Pp. 22–40.

24. Auer R.A. Geography, Institutions, and the Making of Comparative Development. *Journal of Economic Growth*. 2013. Vol. 18. Issue 2. Pp. 179–215.
25. Banerjee A., Iyer L. History, Institutions, and Economic Performance: The Legacy of Colonial Land Tenure Systems in India. *American Economic Review*. 2005. Vol. 95. No. 4. Pp. 1190–1213.
26. Blanton R., Mason T.D., Athow B. Colonial Style and Post-Colonial Ethnic Conflict in Africa. *Journal of Peace Research*. 2001. Vol. 38. No. 4. Pp. 473–491.
27. Bloom D., Sachs J. Geography, Demography, and Economic Growth in Africa. *Brookings Papers on Economic Activity*. 1998. No. 2. Pp. 207–295.
28. Chanda A., Cook C., Putterman L. Persistence of Fortune: Accounting for Population Movements. There Was No Post-Columbian Reversal. *American Economic Journal: Macroeconomics*. 2014. Vol. 6. No. 3. Pp. 1–28.
29. Davis D.R., Weinstein D.E. Bones, Bombs, and Break Points: The Geography of Economic Activity. *American Economic Review*. 2002. Vol. 92. No. 5. Pp. 1269–1289.
30. Easterly W., Levine R. Tropics, Germs, and Crops: How Endowments Influence Economic Development. *Journal of Monetary Economics*. 2003. Vol. 50. No. 1. Pp. 3–39.
31. Engerman S.L., Sokoloff K. Factor Endowments: Institutions, and Differential Paths of Growth Among New World Economies: A View from Economic Historians of the United States. *Economía*. 2002. Vol. 3. No. 1. Pp. 41–109.
32. Englebert P. Pre-Colonial Institutions, Post-Colonial States, and Economic Development in Tropical Africa. *Political Research Quarterly*. 2000. Vol. 53. No. 1. Pp. 7–36.
33. Fielding D., Torres S. Cows and Conquistadors: A Contribution on the Colonial Origins of Comparative Development. *The Journal of Development Studies*. 2008. Vol. 44. Issue 8. Pp. 1081–1099.
34. Gallup J.L., Sachs J.D. The Economic Burden of Malaria. *The American Journal of Tropical Medicine and Hygiene*. 2001. Vol. 64. Issue 1. Pp. 85–96. <https://doi.org/10.4269/ajtmh.2001.64.85>
35. Gallup J.L., Sachs J.D., Mellinger A.D. Geography and Economic Development. *International Regional Science Review*. 1999. Vol. 22. No. 2. Pp. 179–232.
36. Gennaioli N., Rainer I. The Modern Impact of Precolonial Centralization in Africa. *Journal of Economic Growth*. 2007. Vol. 12. Issue 3. Pp. 185–234.
37. Greif A., Tabellini G. The Clan and the Corporation: Sustaining Cooperation in China and Europe. *Journal of Comparative Economics*. 2017. Vol. 45. No. 1. Pp. 1–35.
38. Grosfeld I., Rodnyansky A., Zhuravskaya E. Persistent Antimarket Culture: A Legacy of the Pale of Settlement After the Holocaust. *American Economic Journal: Economic Policy*. 2013. Vol. 5. No. 3. Pp. 189–226.
39. Grosfeld I., Sakalli S.O., Zhuravskaya E. Middleman Minorities and Ethnic Violence: Anti-Jewish Pogroms in the Russian Empire. *The Review of Economic Studies*. 2019. Vol. 87. Issue 1. Pp. 289–342.
40. Lange M., Dawson A. Dividing and Ruling the World? A Statistical Test of the Effects of Colonialism on Postcolonial Civil Violence. *Social Forces*. 2009. Vol. 88. No. 2. Pp. 785–817.
41. Markevich A. *A Regional Perspective on the Economic Development of the Late Russian Empire* (May 14, 2019). <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2555273>
42. Meisel A. No Reversal of Fortune in the Long Run: Geography and Spatial Persistence of Prosperity in Colombia, 1500–2005. *Journal of Iberian and Latin American Economic History*. 2015. Vol. 32. Issue 3. Pp. 411–428.
43. Miasnikov V.S. The Manchu Invasion of the Amur River Valley and the 1689 Treaty of Nerchinsk. *Chinese Law and Government*. 1973. Vol. 6. Issue 4. Pp. 22–91.
44. Michalopoulos S., Papaioannou E. *National Institutions and African Development: Evidence from Partitioned Ethnicities*. Available at: <https://ssrn.com/abstract=2153525> (accessed 13 October 2020).

45. Moreno Escobar M. del C., Ojeda-Rivera J.F., García Sanjuán L. Effects of Roman Rule on the Settlement Geography of South Iberia: A GIS-Based Approach. *Oxford Journal of Archaeology*. 2020. Vol. 39. Issue 2. Pp. 189–212.
46. Narangoa L., Cribb R. *Historical Atlas of Northeast Asia, 1590–2010: Korea, Manchuria, Mongolia, Eastern Siberia*. New York. Columbia University Press, 2014. 352 p.
47. Nunn N., Puga D. Ruggedness: The Blessing of Bad Geography in Africa. *The Review of Economics and Statistics*. 2012. Vol. 94. No. 1. Pp. 20–36.
48. Pilipović O., Rančić N., Ahtik M. Geography, Institutions and Economic Development: Political Economy of Florence from 13th to 15th Century. *Ekonomski Pregled*. 2009. Vol. 60. No. 5–6. Pp. 267–289.
49. Rodrik D. *Institutions, Integration, and Geography: In Search of the Deep Determinants of Economic Growth*. Available at: <http://www.tinyurl.com/y6y5es6d> (accessed 10 October 2020).
50. Rodrik D., Subramanian A., Trebbi F. Institutions Rule: The Primacy of Institutions Over Geography and Integration in Economic Development. *Journal of Economic Growth*. 2004. Vol. 9. Issue 2. Pp. 131–165.
51. Sachs J., Warner A. Economic Reform and the Process of Global Integration. *Brookings Papers on Economic Activity*. 1995. No. 1. Pp. 1–118.
52. Sachs J.D. *Tropical Underdevelopment*. Available at: <https://www.nber.org/papers/w8119> (accessed 2 October 2020).
53. Sala-i-Martin X., Subramanian A. *Addressing the Curse of Natural Resources: An Illustration from Nigeria*. Available at: <https://www.nber.org/papers/w9804> (accessed 26 September 2020).
54. Seiffert S. *Go East: On the Impact of the Tran-Siberian Railway on Economic Development in Eastern Russia*. Available at: https://wiso.uni-hohenheim.de/fileadmin/einrichtungen/wiso/Forschungsdekan/Papers_BESS/dp_02-2019_online.pdf (accessed 1 November 2020).
55. Storeygard A. Farther on Down the Road: Transport Costs, Trade and Urban Growth in Sub-Saharan Africa. *The Review of Economic Studies*. 2016. Vol. 83. Issue 3. Pp. 1263–1295.

■ ■ ■
Для цитирования:

Рыжова Н.П., Рыжов В.А. Климат и экстрактивная колонизация: экономическое развитие в бассейне реки Амур // Регионалистика. 2021. Т. 8. № 2. С. 71–91. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2021.2.71>

For citing:

Ryzhova N.P., Ryzhov V.A. Climate and Extractive Colonization: The Economic Development of Amur River Basin. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2021. Vol. 8. No. 2. Pp. 71–91. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2021.2.71> (In Russian)